

ЯБЛОКИ ДЕТСТВА

Яблоки падают в руки детей.
Дети бегут по стерне.
Дети бегут, превращаясь в людей.
Розы срывая во сне.

А за спиной невозвратные дни
Гаснут, как звезды в пруду!
В старости спросите: — Где же они?
Я их никак не найду...

А на рассвете — закаты сожгут
Прошлые черновики.
И навсегда ты останешься тут
С песней простой у реки.

СИРЕНЬ-РАЗЛУЧНИЦА

— Мы жили, как муж и жена! —
Под утро сказала она.
И чай принесла... А сирень
Из комнаты видно моей.

Сирень колотилась в окно,
Как брошенка-дева давно.
— Фрамуги и створки окна
Скрипят! — мне сказала она.

Да это не створки — сирень! —
Но мне объяснять было лень.
Я вышел курить на крыльцо —
Сирень мне уткнулась в лицо!

БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА

Она с холста покинет свой народ,
На розвальнях след оставляя санный...
В истории Руси благоуханной
И не понять, где снег, где небосвод!

Морозовой в стране морозов быть,
Духовной ставши дочерью Аввакума!
Отныне смотрит на царей угрюмо
Боровск и о боярыне скорбит...

Перед картиной сумрачно стою,
Русь не восполнит нам святой потери.
И строгий взор боярыни ловлю...
Взор Феодосьи, не предавшей веры.

ХРАМ

Храм стоял одинокий и чистый,
Мимо красные флаги текли...
Посшибали кресты коммунисты,
В недомыслие бесы ввели!

Черт веревочный вякал с трибуны,
Образовывал нищий народ!
Гибли первыми — летами юны —
Там, куда посылал кукловод.

Зарастали поля и деревни,
И до нас большинство не дошли.
В хрустале спят худые царевны —
Все царевичи нынче — нули!

А на пихтах хвоя покраснела,
Раскачали верхушки туман.
И опять без ума, обалдело,
Русь, как рыба, клюет на обман.

Вопрошал же наш классик: — Доколе?
Не жалея царя и Христа...
Храм стоит, словно остров для боли.
Белый храм — неспроста... неспроста...

ПЫЛЬНАЯ ДОРОГА...

Пыльная дорога на восток,
За спиной насупившийся запад!
Как в окоп ныряет «Нива» в лог,
Шлепая по лужам, словно лапоть.

Вынесет Хмелевка образа
Дедушки и сына Николая...
— Это мой отец! — Напомню я
Тем, кто знал меня, отца не зная.

Где журавль колодезный бесхвост
На цепи взлетает, изловчившись!
Пал забор, на куст облокотившись,
Но стоят ворота в полный рост.

Над колодцем лебедь пролетит —
Вольная возвышенная птица.
За горушкой матом тарахтит
Заводской уральский городишко!

Выйду, поищу в крапиве дом...
Этот поиск сердце растревожит.
Грохну по воротам кулаком —
Мне никто ворот открыть не сможет.

Повернусь спиною на восток
И вернусь на запад к буквоедам.
Вслед сорвется с дерева листок —
С дерева, посаженного дедом.

* * *

Сиротства русская печаль,
Тоска по волюшке и счастью.
Природа, побледнев, как сталь,
Готовится принять участие

В твоей юдоли и судьбе,
Отдав тебе леса и Каму!
Природа, я вернусь к тебе,
Ну, разве ты заменишь маму?

Вдоль Камы до Лозы — пески
Без малого три километра!
Скрипят ступени без доски,
Но не от сплавщиков — от ветра!

Слетают кубарем года
С холмов до океанов-речек.
В баркасе прорыбачишь вечер,
Вернешься — борода седа!

Зюйд-вест пригрелся на корме,
Пока читал я телеграмму...
Природа, я вернусь к тебе,
Но разве ты заменишь маму!

РУССКИЙ КАВКАЗ

Лежит баркас мой кверху дном,
Врастая в берег.
Растет рябина под окном
Грохочет Терек!

Невдалеке река Кума
Летит с предгорий.
Здесь мама родилась моя
У лукоморий.

Там и сейчас парит орел,
Раскинув крылья.
Хребты, перебегая в дол —
Рвут сухожилья!

А Терек падал на крыло
Высокой птице.
Кума была с ним заодно,
Плеснув водицей.

Прибила пыль от табуна
И человека...
Я здесь запрятал скакуна
В пачку «Казбека».

К МУЗЕ

Из городского лесопарка
Принес подснежник для тебя.
Он в «Красной книге»! — вспомнил я,
Но для тебя мне книг не жалко!

Возьму стакан с простой водой.
Весенний день туда поставлю —
Вид исчезающий прославлю
Работой получасовой!

Да и поэт, что тут хитрить,
Вид исчезающий, конечно...
Одна лишь Муза в мире вечна,
Не всех способная любить!